

Болезнь уходит медленно, словно вытягиваемая по ниточке.

Хотя высокая температура у Линь Яня спала, тело оставалось слабым, а дух — подавленным, будто из него вынули все жилы и кости. Он целыми днями стремился быть рядом с Се Юньшенем, словно только прильнув к этому привычному теплу, мог ощутить себя в безопасности.

Се Юньшень отменил все несрочные дела, почти не отходя от него ни на шаг. Он перенес рабочее место в гостиную рядом со спальней, чтобы Линь Янь, едва подняв глаза, мог его видеть. Он лично проверял температуру отвара и терпеливо, ложка за ложкой, поил его; когда по ночам того бросало в пот и он просыпался в испуге, Се Юньшень всякий раз первым делом заключал его в объятия, прохладными пальцами вытирал холодный пот со лба и тихо напевал колыбельную без слов.

Эта всеобъемлющая, почти удушающая забота была подобна теплоте приливу, который мало-помалу поглощал Линь Яня. Острые вопросы, попытки докопаться до прошлого — в этом море чрезмерной нежности всё это постепенно оседало на дно, становясь размытым и неясным.

Он стал еще более капризным, чем до болезни, и еще сильнее привязался к нему.

— Горько... — допив последнюю каплю коричнево-черного отвара, Линь Янь скривился, потянул Се Юньшэня за рукав и с мольбой посмотрел на него.

В глазах Се Юньшэня заиграла улыбка. Он взял с изящного фарфорового блюдца засахаренную ягоду, покрытую тонким слоем сахарной пудры, и поднес к его губам:

— Открывай.

Линь Янь взял угощение прямо из его рук, почувствовал сладость на кончике языка и блаженно прищурился, словно кот, которого гладят по шерстке. Он даже позволил себе лишнее: положил голову Се Юньшэню на колени, лениво не желая шевелиться.

Се Юньшень снисходительно позволил ему это, одной рукой нежно перебирая его короткие, слегка вьющиеся волосы, а другой продолжая просматривать почту на планшете. Солнечный свет пробивался сквозь полупрозрачные шторы, падая на них двоих и создавая картину безмятежной близости.

— Я хочу принять душ, — полежав немного, Линь Янь почувствовал липкость на коже и тихо попросил. За время болезни он обходился лишь обтираниями и чувствовал, что скоро покроется плесенью.

Се Юньшень отложил планшет и посмотрел на него сверху вниз:

— Сможешь стоять на ногах?

Линь Янь попытался пошевелиться, но конечности оставались слабыми и ватными. Он честно покачал головой, глядя на него с жалкой зависимостью.

Се Юньшень ничего не ответил, лишь наклонился, подхватил его одной рукой под колени, другой — под спину и легко поднял на руки.

Внезапное ощущение невесомости заставило Линь Яня тихо вскрикнуть и машинально обхватить Се Юньшэня за шею. Мужчина уверенно понес его в ванную, шаги его были тверды, дыхание ровно, словно Линь Янь ничего не весил.

В ванне уже была набрана теплая вода, воздух наполнился паром и ароматом успокаивающих эфирных масел. Се Юньшень не доверил это дело никому другому и собственноручно снял с Линь Яня мягкую пижаму.

Когда прохладный воздух коснулся кожи, Линь Янь с запозданием почувствовал смущение, и его уши залились розовым цветом. Хотя они спали в одной постели, так откровенно обнажиться перед ним довелось впервые. Он неловко подобрал пальцы ног.

Се Юньшень же, словно не замечая его неловкости, привычным движением опустил его в воду комфортной температуры. Теплые потоки окутали тело, прогоняя последние остатки недоумения. Линь Янь довольно вздохнул, прислонившись к гладкому краю ванны.

Се Юньшень закатал рукава рубашки, обнажив предплечья с плавными линиями мышц. Он не стал использовать губку, а просто зачерпнул ладонями теплую воду и принялся осторожно поливать плечи и спину Линь Яня. Его движения были мягкими и сосредоточенными, а мозолистые кончики пальцев, скользя по коже, вызывали легкую дрожь.

Линь Янь закрыл глаза, впитывая эти осторожные прикосновения. Журчание воды, аромат масел, окутывающий нос, и ровное дыхание Се Юньшэня совсем рядом. Все чувства были поглощены этой предельной нежностью, порождая иллюзию, будто он — редчайшее сокровище, которое хозяин с величайшей любовью бережно очищает и лелеет.

Сомнения, тревога, навязчивые мысли о прошлом — всё это в этой захлестывающей нежности понемногу растворялось, таяло.

Ему вдруг показалось, что поиск истины не так уж и важен. Если прошлое означает боль и утрату, то зачем он так цепляется за него? Разве сейчас не хорошо? Есть человек, который носит его на руках, дорожит им как собственной жизнью, дает лучшее из возможного, вытянул его из грязи и вознес на седьмое небо.

Чего еще ему желать?

— Все еще плохо себя чувствуешь? — низкий голос Се Юньшэня прозвучал совсем рядом,

прервав его раздумья.

Линь Янь открыл глаза и покачал головой. В густом паре лицо Се Юньшеня казалось расплывчатым, и лишь глаза, смотрящие на него, были ясными и глубокими, наполненными нежностью, которая вот-вот должна была перелиться через край.

Он словно под гипнозом протянул руку, влажными пальцами коснулся уголка губ Се Юньшеня, и его голос, размягченный влагой, прозвучал тихо:

— Ты... ты всегда будешь так добр ко мне?

Спросив это, он сам опешил. Вопрос прозвучал по-детски наивно, словно у ребенка, боящегося, что его бросят, в нем сквозила полная зависимость и неуверенность.

Се Юньшень перехватил его шаловливые пальцы, сжал их в своей ладони, наклонился и запечатлел мягкий, полный трепета поцелуй на его лбе, еще влажном от воды.

— Конечно, — его голос, донесшийся через соприкасающуюся кожу, звучал с непоколебимой твердостью. — Всю жизнь буду только для тебя.

Линь Янь смотрел на него, в эти глаза, в которых, казалось, скрывались звезды и океаны, а сейчас отражался лишь он сам, и последний лед в его сердце окончательно растаял.

Он сам подался вперед, зарываясь влажной щекой в изгиб шеи Се Юньшеня, словно маленький зверь, помечающий свою территорию, и легонько потерся о него.

— М-м, — издал он невнятный звук, полный абсолютного доверия и сдачи.

Он решил утонуть.

Утонуть в этом море нежности по имени Се Юньшень, не желая больше просыпаться.

А что касается рифов и тайн, скрытых на дне... он не хотел знать и не желал исследовать их.

Се Юньшень, чувствуя теплое дыхание на своей шее и полное доверие, с которым тот прижался к нему, ощутил, как в глубине его глаз промелькнул темный, удовлетворенный огонек. Он мягко похлопал Линь Яня по гладкой спине — словно успокаивая, а скорее, безмолвно провозглашая свою победу.

Его сокровище наконец окончательно сдалось, добровольно и без остатка утопая в его нежности.

Так будет лучше всего.

<http://bllate.org/book/18641/1795298>